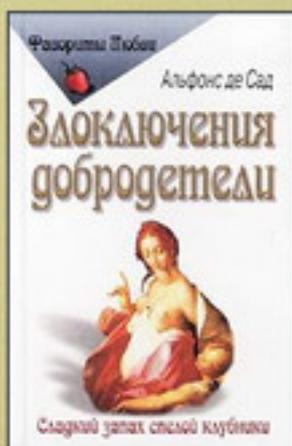

Маркиз де Сад

Эжени де Франваль

*Часть сборника
Злоключения добродетели
(сборник)*

Маркиз де Сад Эжени де Франваль

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166683

Аннотация

«Движимые исключительно стремлением наставлять и смягчать людские нравы, взялись мы за пересказ этой истории, и да проникнется читатель ощущением неотвратимости возмездия, подстерегающего тех, кто не останавливается ни перед чем ради утоления собственных желаний. И пусть на их примере найдет подтверждение простая истина: блестящее образование, богатство, природные дарования, не подкрепленные самообладанием, благонравием и скромностью, способны лишь совратить с пути истинного. Приносим извинения за вынужденное описание чудовищных деталей страшного преступления: возможно ли вызвать непримиримость к злодейству, не отваживаясь говорить о нем открыто?..»

Маркиз де Сад Эжени де Франваль

Трагическая повесть

Движимые исключительно стремлением наставлять и смягчать людские нравы, взяли мы за пересказ этой истории, и да проникнется читатель ощущением неотвратимости возмездия, подстерегающего тех, кто не останавливается ни перед чем ради утоления собственных желаний. И пусть на их примере найдет подтверждение простая истина: блестящее образование, богатство, природные дарования, не подкрепленные самообладанием, благонаравием и скромностью, способны лишь совратить с пути истинного. Приносим извинения за вынужденное описание чудовищных деталей страшного преступления: возможно ли вызвать непримиримость к злодейству, не отваживаясь говорить о нем открыто?

Редко в одном человеке сочетается все то, что непременно приведет его к счастью. Он обласкан природой – фортуна отказывает ему в дарах. Та осыпает его милостями – он обязательно окажется обиженным природой. Похоже, Небесам угодно было везде – как в высших своих творениях, так и в случае каждого из нас – доказать, что законы равновесия первенствуют во вселенной, ибо управляют всем, что движется, произрастает и дышит.

Живший в Париже, где он и родился, Франваль обладал ежегодной рентой в четыреста тысяч ливров, изящнейшей фигурой, обворожительным лицом и самыми разносторонними талантами. Однако под этой привлекательной внешностью таились все мыслимые пороки, включая, к несчастью, и те, приверженность к которым неизбежно влечет за собой преступления; неопишное буйство фантазии – вот главный изъян Франваля, а от этого не излечиваются. Когда начинают угасать силы, возможности воображения умножаются. Чем меньше можешь – тем больше затеваешь, чем менее способен действовать – тем более изобретаешь. Каждый возраст приносит новые выдумки, и пресыщение, ничуть не охлаждая пыла, порождает все более зловещие ухищрения.

Как уже было сказано, с юных лет Франваль в избытке обладал всеми внешними достоинствами и всеми талантами, призванными их приукрасить. Однако из-за его полного пренебрежения к моральному и религиозному долгу учителям не удалось привить ему ни единой добродетели.

В век, когда опасные книги столь же доступны детям, сколь их отцам и воспитателям, когда под неуравновешенную систему правления подводится философская основа, неверие зовется дерзостью, а распущенность – прихотью, никто не принимал всерьез взглядов юного Франваля. И если порой его за них слегка бранили, то минуту спустя поощряли. Отец Франваля, ярый приверженец модных софизмов, первым одобрял твердые суждения сына обо всех этих материях и снабжал литературой, которая могла того развратить; какой воспитатель дерзнет после этого внушать принципы, неугодные хозяевам, которым он обязан услужить?

Франваль потерял родителей, еще будучи совсем молодым. В скором времени, в возрасте девятнадцати лет, он похоронил старого дядюшку, завещавшему ему все свои богатства с правом распоряжаться ими после женитьбы.

С таким состоянием господину де Франвалю не представляло труда жениться. Он мог выбирать среди неограниченного числа партий. Еще при жизни дяди он упросил его подобрать ему в невесты девушку помоложе, которая жила бы неподалеку. И старик, желая угодить племяннику, остановил свой выбор на некоей девице де Фарней, дочери финансиста, у которой в живых оставалась только мать. Невеста, правда, была еще слишком юной, ей было

всего пятнадцать, но ей принадлежали надежные шестьдесят тысяч ливров ренты и самое очаровательное личико в Париже. В облике ее сквозили целомудрие, чистота и приветливость: тонкие черты, сотворенные Амуром и грациями; прекрасные белокурые волосы, струящиеся до пояса; огромные голубые глаза, излучающие нежность и стыдливость; стройный, гибкий и легкий стан; белоснежная кожа, свежая, как роза. Девушка одаренная, с живым воображением, но немного печальная, она отличалась той задумчивой грустью, что располагает к чтению и одиночеству. Словом, она была наделена всеми свойствами тех, кого природа обрекает на несчастья, то ли стараясь ослабить их горечь мрачно-трогательным упоением, с которым такие натуры переживают несчастья, то ли заставляя их предпочесть слезы легкомысленному восторгу счастья, – наслаждению не столь острому и не столь глубокому.

В пору устройства будущего дочери госпоже де Фарней было тридцать два года. Это была обаятельная и благоразумная, может, немного излишне сдержанная и строгая дама. Заботясь о счастье своего единственного чада, она навела справки по всему Парижу. Родственников у нее не оставалось, и ее советчиками оказались дальние знакомые, безразличные и равнодушные. В один голос ее убеждали, что молодой господин, сватающийся к дочери, вне всяких сомнений, достойнейшая в Париже партия и непростительная оплошность – упустить такую удачу. Итак, брак был заключен, и состоятельная супружеская чета с первых дней зажила своим домом.

Молодого Франваля нельзя было упрекнуть в легкомыслии, суетливости и ветренности – распространенных недостатках, сдерживающих взросление многих мужчин, не достигших тридцати. Рачительный хозяин, любящий порядок, умеющий вести дом, он являл пример всех возможных добродетелей, необходимых в жизни. Присущие ему пороки были совсем иного свойства – они являли собой порождение скорее зрелых лет, нежели юношеского безрассудства: притворство, интриги, злобность, коварство, эгоизм, изощренное лицемерие, ложь – и все окутано флером обаятельности, одаренности и велеречивости, тонкостью ума и привлекательнейшей наружностью. Таков портрет этого человека.

Мадемуазель де Фарней, согласно обычаю знакомая с будущим мужем не более месяца, была ослеплена блеском этого фальшивого бриллианта и оказалась жертвой заблуждения; она не могла налюбоваться на свое сокровище, боготворя его до такой степени, что следовало опасаться за жизнь юной особы, угрозой какие-то препятствия столь желанному супружеству, являвшемуся, по ее собственным словам, единственной усладой ее дней.

Что же до Франваля, по-философски оценивавшего женщин, как, впрочем, и все жизненные обстоятельства, то он с нескрываемым хладнокровием рассуждал о своей очаровательной супруге.

– Женщина, которая нам принадлежит, – говорил он, – есть существо, законно нами поработанное, ей следует быть кроткой, покорной, безусловно целомудренной; я ратую за эти качества вовсе не из боязни бесчестия, каким может нас заклеймить жена, подражая нашему собственному распутству, ибо считаю это предрассудком. Просто неприятно, когда другому вздумалось присваивать права, принадлежащие лишь тебе одному. Все остальные соображения мне абсолютно безразличны, ибо ничего не добавляют к ощущению счастья.

Нетрудно догадаться, что такое отношение мужа не сулит прекрасных роз той несчастной, что свяжет с ним судьбу. Чувствительная, добропорядочная, прекрасно воспитанная госпожа де Франваль летала на крыльях любви, стараясь предупредить любые желания своего единственного в мире мужчины. Первые годы замужества она с радостью носила оковы, не подозревая о своем рабстве. Ему приятно было наблюдать, как она собирает колосья после жатвы на ниве их супружества. Но она была готова довольствоваться теми крохами, что ей оставляли, и ее единственной заботой было не упустить кратких минут нежности и сделать все возможное, чтобы доставить блаженство нежно любимому супругу.

Лучшим доказательством того, что Франваль все же не всегда уклонялся от своих обязанностей, явилось то, что в первый же год замужества жена его, в возрасте шестнадцати с половиной лет, родила дочку, еще прекраснее, чем мать. Отец в тот же миг нарек ее Эжени. О Эжени, ты прекраснейшее и ужаснейшее творение природы...

Как только девочка появилась на свет, господин де Франваль несомненно уже возымел на ее счет самые гнусные намерения. Он поспешил отделить дитя от матери. До семи лет Эжени была поручена воспитательницам, в которых Франваль был уверен. Ограничивая свои заботы формированием горячего темперамента и навыков чтения, те тщательно оберегали ее от всякого знакомства с моральными и религиозными началами, чему обычно обучают девочек ее возраста.

Госпожа де Фарней и ее дочь, оскорбленные столь странным поведением господина де Франваля, не раз выражали ему свое недовольство. Тот равнодушно отвечал, что в его планы входит сделать свою дочь счастливой. Зачем вдавливать в голову ребенка химеры, придуманные лишь для запугивания людей и не приносящие им никакой пользы. Главное, чему следует учить девушку, – умению нравиться. Вполне можно обойтись без нелепого фантастического вздора, нарушающего душевный покой, ничего не принося при этом – ни истинной морали, ни физической грации. Подобные речи были крайне неприятны госпоже де Фарней, все сильнее отдалявшейся от радостей жизни земной и тем самым все более приближавшейся к помыслам о небесном: благочестие – слабость, неотделимая от старости и недугов. Когда страсти бушуют, будущее кажется таким далеким, и, как правило, о нем не беспокоятся. Чуть голос страстей ослабевает, когда конец уж близок и все нас покидают – тут мы вновь с надеждой бросаемся в объятия Бога, о котором не вспоминали с детства. И пусть с философской точки зрения такие возвратившиеся иллюзии в зрелом возрасте столь же бессмысленны, как и в детстве, они все же не столь опасны.

Теща де Франваля в борьбе с зятем, полным сил, имеющим могущественные связи, не могла рассчитывать ни на влиятельную родню, ни на собственный вес в обществе, ни на случайных друзей, готовых самоустраниться при малейшем испытании. И она трезво рассудила, что разумнее прибегнуть к увещаниям, нежели пытаться оказать давление на того, кто способен разорить мать и лишит свободы дочь в случае, если те посмеют помериться с ним силами. Поэтому она позволила себе высказать лишь несколько упреков и тут же отступилась, уверившись, что это ни к чему не приведет.

Убедившись в своем превосходстве и поняв, что его боятся, Франваль перестал церемониться и, довольствуясь лишь поверхностным соблюдением приличий в глазах общественного мнения, прямо двинулся к своей ужасной цели.

Эжени исполнилось семь лет, и лишь тогда Франваль привел ее к жене. Нежная мать, не выдавшая дочь со дня ее появления на свет, не могла нарадоваться. Часа два она прижимала девочку к своей груди, осыпая ее поцелуями и орошая слезами. Ей не терпелось выяснить, что та умеет. Однако все достоинства Эжени сводились к умению бегло читать, крепкому здоровью и ангельской красоте. Новое разочарование госпожа де Франваль испытала, когда оказалось, что дочь не имеет ни малейшего представления о религии.

– Неужели, сударь, – обратилась она к мужу, – вы воспитываете ее лишь для жизни на этом свете? Сблаговолите подумать, что она, как и мы, будет обитать здесь лишь краткий миг перед неизбежным переходом в вечность. Так не обрекайте же ее на погибель в будущем, лишая возможности обрести счастливую участь перед ликом Всевышнего, сотворившего ее!

– Пусть Эжени ничего об этом не знает, – ответил Франваль, – пусть от нее старательно скроют эти постулаты – и тогда она не сможет стать несчастливой. Ибо, будь они истинны, Всевышний слишком справедлив, чтобы наказать ее за неведение. Будь они ложны – стоит ли вообще о них упоминать? В отношении других забот о ее воспитании прошу вас довериться

мне, сударыня, отныне я сам буду ее наставником. Отвечаю, что через несколько лет дочь ваша превзойдет всех своих сверстниц.

Госпожа де Франваль старалась настоять на своем, прибегнув к красноречию сердца и рассудка. Не обошлось и без слез. Однако Франваля они ничуть не разжалобили: он сделал вид, что ничего не заметил. Отослав Эжени, он пригрозил жене, что, если она посмеет ему противиться в чем бы то ни было, – в выборе ли метода воспитания дочери, во внушении ли принципов, не соответствующих его намерениям, – он лишит ее радости общения с дочерью, отправив девочку в один из своих замков, откуда нельзя выйти. Госпожа де Франваль, созданная для подчинения, уступила. Умоляя супруга не отделять ее от ненаглядной крошки, она, обливаясь слезами, пообещала ничем не нарушать намеченный план воспитания.

С этого момента мадемуазель де Франваль расположилась в прекрасных покоях по соседству с комнатами отца. Ее прислуга состояла из расторопной гувернантки с помощницей, горничной и двух девочек, ровесниц Эжени, приглашенных исключительно для ее развлечения. Для нее были взяты учителя письма, рисования, стихосложения, естествознания, декламации, географии, астрономии, анатомии, греческого, английского, немецкого, итальянского, фехтования, танцев, верховой езды и музыки.

По утрам в любое время года Эжени поднималась в семь часов. Завтрак ее состоял из большого куска ржаного хлеба, который она жевала, бегая по саду. В восемь она возвращалась, проводила несколько минут в комнате отца. Тот играл с ней или учил правилам поведения в обществе. До девяти часов она готовилась к занятиям. Появлялся первый учитель. Всего до обеда она успевала позаниматься с пятью. В два часа для нее, двух подружек и главной гувернантки накрывали на стол. Обед состоял из овощей, рыбы, печенья и фруктов. Никогда не подавали ни мяса, ни супа, ни вина, ни напитков, ни кофе. С трех до четырех Эжени целый час играла в саду с подружками в мяч, в шары, в кегли, в волан или бегала наперегонки, в зависимости от сезона. Ничто не стесняло их движений: никогда их не затягивали в нелепые корсеты, вредные и для груди, и для желудка, которые, сдавливая юных особ, препятствуют нормальному дыханию, что неизбежно отражается на легких. С четырех до шести часов мадемуазель де Франваль принимала других преподавателей. И поскольку невозможно было уделить внимание всем за один день, остальные приходили назавтра. Три раза в неделю Эжени в сопровождении отца посещала театральные представления, с этой целью специально для нее была снята на год небольшая зарешеченная ложа. По возвращении, в девять часов, она ужинала. Подавали только фрукты и овощи. С десяти до одиннадцати часов четыре раза в неделю Эжени проводила в своей женской компании, читая романы, после чего укладывалась спать. Оставшиеся три вечера, когда Франваль не выезжал в свет, она проводила наедине с отцом в его покоях, за беседой, как выражался об этих часах Франваль. Он внушал дочери собственные представления о религии и нравственности. С одной стороны, он излагал ей общепринятые понятия об этих материях, а с другой – те, что признавал сам.

В ход было пущено все: и изворотливый ум, и обширные познания, и богатое воображение, и уже зародившаяся страсть. Нетрудно представить, какое воздействие подобная система оказывала на душу Эжени. И, поскольку главной заботой бесчестного Франваля было вовсе не развитие разума девочки, эти беседы редко завершались, не заставив трепетать ее сердце. Этот страшный человек безошибочно угадывал способы понравиться дочери, искусно оболещая ее. Он сделался совершенно незаменимым и в учении, и в развлечениях, с готовностью предупреждая все ее прихоти. И Эжени была убеждена: в самом блестящем и аристократическом обществе не встретишь человека достойнее отца. Юное неискушенное сердечко источало дружескую привязанность, благодарность и нежность – чувства, неизбежно предшествующие пламенной любви. Франваль заменил ей весь мир; она никого не замечала, кроме него, мысль об их разлуке была ей невыносима. Ради него она поставила бы

на карту и честь свою, и красоту. Наверное, эти жертвы показались бы ей незначительными ради столь боготворимого кумира. Она не пожалела бы ни крови, ни самой жизни, явись у ее драгоценного друга в них нужда.

В отношении же своей добропорядочной и несчастливой матери мадемуазель де Франваль была настроена несколько иначе. Отец неоднократно упоминал о том, как госпожа де Франваль по праву жены принуждает его оказывать ей постоянные знаки внимания, тем самым мешая ему посвящать все время своей ненаглядной Эжени, к которой он стремится всем сердцем. Вместо почтения и теплоты, естественно возникающих по отношению к столь достойной матери, ему удалось заронить в душу юного создания ненависть и ревность.

– Друг мой, брат мой, – так обращалась Эжени к Франвалю, не пожелавшему, чтобы дочь называла его как-то иначе, – эта женщина, которую ты зовешь женой, та, что, по твоим словам, произвела меня на свет, не многого ли она требует, желая всегда держать тебя при себе? Ведь она лишает меня блаженства проводить жизнь рядом с тобой. Да, я вижу, ты предпочитаешь ее своей Эжени. Что же до меня, то я никогда не смогу полюбить ту, что похищает у меня твое сердце.

– Милая моя подруга, – отвечал Франваль, – никто в мире не имеет на меня таких неоспоримых прав, как ты. Узы, существующие между этой женщиной и твоим лучшим другом, – лишь дань обычаю и социальным условностям, к которым я отношусь по-философски, и они никогда не нарушат тех уз, что связывают нас с тобой. Я всегда предпочту тебя, Эжени, ты будешь ангелом и светом моих дней, пристанищем моей души и смыслом моей жизни.

– О! Какие проникновенные речи! – отвечала Эжени. – Повторяй их почаще, друг мой! Если бы ты знал, как сладостно ощущать твою нежность!

И взяв руку Франваля, она прижимала ее к своему сердцу.

– Послушай, послушай, как отзываются твои слова, – продолжала она.

– Пусть твои ласки убедят меня в этом, – отвечал Франваль, сжимая ее в объятиях.

Вот так, вероломно и бесстыдно, он продвигался к соvrращению несчастной девочки.

Тем временем Эжени приближалась к четырнадцати годам. Именно на эту пору Франваль наметил свое злодеяние. Содрогнитесь! Он его свершил.

В тот самый день, когда она достигла означенного возраста, вернее, по завершении сего дня, они вдвоем, вдали от докучливой родни, коротали время в деревне. К одиннадцати часам утра, вырядив дочь наподобие девственниц, каких некогда приносили в жертву в храме Венеры, граф ввел ее в салон. Обстановка дышала сладострастием. Окна были занавешены. В полумраке виднелись разбросанные повсюду цветы. Посередине возвышался трон из роз. Франваль подвел к нему свою дочь.

– Эжени, – сказал он, возводя ее на этот престол, – будь сегодня королевой сердца моего и позволь мне преклонить пред тобой колена!

– Ты поклоняешься мне, брат мой, той, что всем на свете обязана тебе, породившему и сотворившему меня! Ах! Разреши лучше мне пасть к ногам твоим: вот воистину мое место, и я не стремлюсь к иному в наших отношениях.

– О моя нежная Эжени, – произнес граф, усаживаясь рядом на сиденье из цветов, призванных украсить его победу, – если ты действительно считаешь себя передо мной в долгу, если чувства твои на самом деле столь искренни, как я слышу от тебя, – ответь, известно ли тебе, каким способом можно меня в этом убедить?

– Каким же, брат мой? Не томи, назови его, и я быстро пойму, что ты имеешь в виду.

– Все чары, которыми щедро наградила тебя природа, все манящие прелести, которыми она украсила тебя, должны быть тотчас же принесены мне в жертву.

– Зачем же ты просишь? Не ты ли мой хозяин? Неужели то, что ты создал, не принадлежит тебе? Смеет ли кто-то другой наслаждаться плодами твоего творения?

- Подумай о людских предрассудках.
- Ты никогда не скрывал их от меня.
- Все же я не хочу преступать их без твоего согласия.
- Разве ты не презираешь их, так же как и я?

– Разумеется, презираю, но не желаю быть ни тираном твоим, ни тем более – соблазнителем. Милости, которых я добиваюсь, я желаю получить исключительно по любви. Ты знакома с обществом, я не утаивал от тебя ни одного из его соблазнов; прятать от твоих взоров других мужчин, предоставляя на созерцание лишь меня одного, было бы непростительным обманом с моей стороны. Если существует в мире тот, кого ты предпочитаешь мне, назови его сию минуту: я пойду за ним хоть на край света и доставлю его в твои объятия. Словом, я забочусь лишь о твоём счастье, ангел мой, твоё счастье для меня важнее моего собственного. Сладостные утехи, что ты можешь мне подарить, ничего не значат для меня, если они не явятся залогом твоей любви. Решайся же, Эжени. Приближается миг твоего жертвоприношения, ты должна его свершить. Жреца же назначай сама: я отрекаюсь от наслаждений, что обещает мне это звание, если достигнуты они будут наперекор велению твоей души, и, желая оставаться достойным твоей привязанности в случае, если ты выберешь не меня, я приведу того, кого ты пожелаешь любить; не сумев завоевать твоего сердца, я постараюсь заслужить твою нежность и стану наперником Эжени, коль мне не суждено стать ее возлюбленным.

– Ты будешь всем, брат мой, всем на свете! – воскликнула Эжени в порыве любви и желания. – Кому же приносить жертву, если не тому единственному, кого я боготворю? Кто во всей вселенной более тебя достоин обладать вызывающими твоё вожделение нехитрыми прелестями, которые уже обжигают твои пылающие пальцы? Разве ты не чувствуешь по охватившему меня жару, что я, как и ты, тороплюсь вкушать наслаждения, о которых ты говоришь? Ах! Бери меня, бери, мой нежный брат, мой бесценный друг, сделай Эжени своей жертвой: жертвоприношение, свершенное этими любимыми руками, лишь сделает ее счастливой.

Безудержный Франваль, чей характер, как нам известно, отличался сдержанностью лишь в той мере, в которой это было необходимо для изощренного обольщения, немедля воспользовался доверчивостью дочери и, преодолев все препоны как с помощью принципов, которыми вскормил ее душу, открытую для любых впечатлений, так и благодаря мастерству, с которым очаровал ее в решающую минуту, завершил вероломное завоевание, став безнаказанным разрушителем целомудрия, чья сохранность была ему вверена самой природой и званием отца.

С тех пор прошло немало дней, полных взаимного опьянения. Эжени, в силу возраста склонная к жажде познания радостей любви и вдохновленная системой изучения, самозабвенно окунулась в них с головой. Франваль преподал ей все таинства сладострастия, проложив все мыслимые пути его удовлетворения; чем большему их числу он оказывал почести, тем сильнее упрочивалась его победа: Эжени готова была принять его в тысяче храмов одновременно, упрекая возлюбленного, что его фантазии недостаточно смелы; ей казалось, что он не все еще ей раскрыл. Она сетовала на свою юность и неопытность, из-за которых могла оказаться недостаточно обольстительной. Ей хотелось стать более искушенной, чтобы ни одно из средств воспламенить любовника не осталось ей неведомым.

По возвращении в Париж стало ясно: преступные утехи, которыми упивался этот испорченный человек, столь восхитительно услаждали его как физически, так и морально, что даже непостоянство, обычно служившее причиной конца всех других его интрижек, не смогло разорвать этих уз. Он без памяти влюбился, и пагубная эта страсть неизбежно должна была привести к жестокому забвению супруги. Увы, бедная жертва! Госпоже де Франваль был в ту пору тридцать один год и она находилась в расцвете своей красоты. Выражение грусти и печали, запечатленное на ее лице, делало ее еще привлекательней. Вся в слезах, подав-

ленная, задумчивая, с прекрасными волосами, небрежно разметавшимися по белоснежной груди, с губами, любовно прижатыми к дорогому ей портрету неверного мужа-тирана, она походила на одну из прекрасных скорбящих дев работы Микеланджело. Она еще не ведала того, что должно было усилить ее муки. Метод обучения Эжени, основные представления о нравственности, которые ей не объяснялись, а если и упоминались, то лишь затем, чтобы заставить их возненавидеть; очевидность того, что все почитаемое матерью и презираемое Франвалем, никогда не будет дозволено дочери; ничтожно малое время, отпущенное ей для общения с ребенком; опасения, что столь странное воспитание рано или поздно приведет к преступлениям; наконец, выходки Франваля, его ежедневные грубости по отношению к ней (к ней, кто – сама предупредительность, чья единственная радость – заинтересовать и привлечь его) – таковы были ее заботы в то время. Какой еще болью отзовется эта нежная, чувствительная душа, когда ей станет известно обо всем!

Тем временем образование Эжени шло своим чередом. Она сама пожелала до шестнадцати лет продолжать занятия с учителями. Ее дарования, обширные знания и с каждым днем расцветающие прелести все крепче привязывали Франваля: не вызывало никаких сомнений, что он никогда никого и ничто на свете не любил так, как Эжени.

В основном в образе жизни мадемуазель де Франваль не многое изменилось. Разве что беседы с глазу на глаз с отцом происходили все чаще и длились допоздна. Одна лишь гувернантка была посвящена в любовную историю: женщину эту считали достаточно надежной и не опасались ее болтливости. Несколько иначе проходили трапезы Эжени: теперь она обедала вместе с родителями. Это обстоятельство вскоре сделало Эжени участницей приемов, устраиваемых в доме Франваля. Ее узнали в свете. Она оказалась желанной партией. Многие стали добиваться ее руки. Франваль, уверенный в преданности дочери, ничуть не страшился претендентов, однако он не предусмотрел, что обилие брачных предложений может способствовать его разоблачению.

Как-то в разговоре с дочерью – милости столь желанной и столь редко предоставляемой госпоже де Франваль, – любящая мать поведала Эжени, что ее руки просит господин де Коленс.

– Вы знаете этого человека, дочь моя, – говорила госпожа де Франваль. – Он любит вас, он молод, любезен, богат и надеется на ваше согласие. Одно ваше слово, дочь моя... Что мне ответить?

Смущенная Эжени залилась краской и ответила, что еще не испытывает склонности к супружеству, однако считает возможным обратиться за советом к отцу: его воля для нее закон.

Госпожа де Франваль, не усмотрев ничего необычного в подобном ответе, несколько дней выжидала. Улучив благоприятный момент для обсуждения, она изложила супругу намерения молодого Коленса и его семьи, сопровождая рассказ передачей ответа дочери. Франваль, конечно, был уже обо всем осведомлен. Но притворщик даже не дал себе труда сдержаться.

– Сударыня, – сухо обращается он к жене, – настоятельно прошу вас не вмешиваться в дела Эжени: судя по моим усилиям удалить ее от вас, несложно уяснить, насколько мне желательно, чтобы все касающееся ее не имело к вам ни малейшего отношения. Еще раз повторяю мои распоряжения по этому поводу. Лыщу себя надеждой, что вы их не запомните.

– Но что же мне отвечать, сударь, ведь обращаются-то ко мне?

– Скажете, что я признателен за оказываемую мне честь, однако дочь моя имеет врожденные изъяны, препятствующие ее замужеству.

– Но, сударь, отчего вы желаете, чтобы я внушала всем мысль о несуществующих изъянах, зачем лишать вашу единственную дочь счастья, которое она может испытать в супружестве?

– Сумели ли осчастливить вас эти узы, сударыня?

– Наверное, я сама виновата, что мне никак не удастся привязать вас к себе, но не все жены таковы (последовал тяжкий вздох); к тому же и вы не похожи на других мужей.

– Жены... лживые, ревнивые, властные, кокетки или святоши; мужья... коварные, ветреные, жестокие или деспотичные, – вот краткое описание всех существующих на земле типов, сударыня. Не надейтесь отыскать нечто единственное в своем роде.

– Тем не менее, в брак вступают все.

– Верно, все дураки и все бездельники. Как говорит один философ, женятся, только когда не знают, что делают, или когда больше не знают, что делать.

– Значит, пусть вымирает весь род человеческий?

– Он этого вполне заслуживает: растение, вырабатывающее лишь яд, должно быть вырвано с корнем, и побыстрее.

– Вряд ли ваша излишняя суровость по отношению к Эжени окажется ей во благо.

– Эта партия, кажется, пришлась ей по душе?

– Ваша воля для нее закон, так она сказала.

– Вот и отлично! Сударыня, моя воля такова: позабудьте об этом брачном союзе.

И господин де Франваль удалился, еще раз строго-настрого запретив жене упоминать об этом.

Госпожа де Франваль не преминула пересказать своей матушке содержание недавнего разговора с супругом, и госпожа де Фарней, более проницательная и искусенная в делах сердечных, чем ее красавица-дочь, тотчас же заподозрила что-то неладное.

Эжени редко виделась с бабушкой, лишь от случая к случаю, каждый раз не больше часа, и всегда на глазах у Франваля. Желая уяснить для себя обстоятельства дела, госпожа де Фарней как-то обратилась к зятю с просьбой прислать к ней внучку на целый день: та отвлекает ее, как она заметила, от постоянных приступов мигрени. Франваль сухо ответил, что Эжени очень плохо переносит зрелище чьего-либо недомогания, тем не менее, она будет доставлена туда, где ее ожидают, однако не сможет пробыть там долго, поскольку должна будет отправиться на урок физики, которую прилежно изучает.

У себя в имении госпожа де Фарней не стала скрывать от зятя своего недоумения по поводу отказа от предложенного замужества.

– Полагаю, вы можете без страха, – сказала она, – предоставить вашей дочери самой убедить меня в наличии изъяна, который, по-вашему, должен заставить ее отказаться от супружеской жизни?

– Не имеет значения, сударыня, истинная это помеха или мнимая, – заговорил Франваль, несколько озадаченный решительностью тещи, – просто замужество дочери может оказаться слишком дорогостоящим, я же еще достаточно молод и не согласен на подобные жертвы. Когда ей исполнится двадцать пять лет, она поступит как ей заблагорассудится, но до достижения этого возраста пусть не рассчитывает на мое согласие.

– Совпадают ли ваши мнения? – спросила госпожа де Фарней у Эжени.

– Они различаются лишь тем, сударыня, – твердо ответила мадемуазель де Франваль, – что господин де Франваль позволяет мне выйти замуж в двадцать пять лет, я же заверяю вас обоих, сударыня, что за всю свою жизнь не воспользуюсь разрешением, которое, согласно моему образу мыслей, сделает меня несчастной.

– В ваши годы еще рано говорить об образе мыслей, мадемуазель, – сказала госпожа де Фарней, – во всем этом есть нечто непостижимое, и мне необходимо разобраться.

– К чему я вас и призываю, сударыня, – заявил Франваль, уводя дочь, – вы поступите весьма разумно, если обратитесь за разгадкой к вашим церковникам, и когда со свойственным им искусством они призовут на помощь все силы небесные, и вы наконец будете просвещены, тогда и соблаговолите высказать мне, прав я или нет, препятствуя замужеству Эжени.

Сарказм в адрес служителей культа, чьим советам доверяла госпожа де Фарней, был нацелен на одно лицо, достойное уважения, с которым стоит познакомиться поближе, поскольку ему предстоит принять непосредственное участие в дальнейшем ходе событий.

Речь шла о духовнике госпожи де Фарней и ее дочери, одном из добродетельнейших людей Франции. Порядочный, благородный и мудрый господин де Клервиль был чужд пороков, свойственных людям в сутане, отличался кротостью и стремился приносить пользу всем. Надежная опора бедных, искренний наперсник богатых, утешитель обездоленных, этот достойный человек соединял в себе все преимущества приятных манер со всем обаянием мягкосердечия.

Когда у него спросили совета, Клервиль, будучи человеком рассудительным, не стал принимать никакого решения, не выявив прежде причин, по которым господин де Франваль противится браку своей дочери. И хотя госпожа де Фарней намекнула на некоторые характерные подробности, позволяющие заподозрить тайный любовный роман, который, как известно, в действительности существовал, осмотрительный духовник отбросил эти предположения, как крайне оскорбительные для госпожи де Франваль и ее супруга, и с негодованием отклонил их как недопустимые.

– Столкновение со злодеянием столь прискорбно, сударыня, – говорил порой этот почтенный человек, – что маловероятно, чтобы разумное существо добровольно преступило барьеры целомудрия и сдерживающие начала добродетели, а посему я всякий раз преодолеваю омерзение, прежде чем решаюсь приписывать кому-либо такого рода провинности. Следует как можно реже отдаваться во власть злобных подозрений, часто они лишь порождение нашего самолюбия, почти всегда – плод невольного сравнения, которое происходит в глубине нашей души, когда мы спешим допустить порочность других, чтобы заслужить право на признание собственного превосходства. Поразмыслив, обнаруживаешь – разве не предпочтительней, чтобы тайная вина никогда не была раскрыта, нежели с непростительной поспешностью предполагать иллюзорный вред и тем самым беспричинно чернить в наших глазах людей, не совершивших никаких иных проступков, кроме тех, что приписала им наша гордыня. Следуя такому принципу, выигрывает каждый. Ведь наказывать за преступление – необходимость куда менее настоятельная, чем предотвращение его распространения. Оставляя его и далее пребывать в тени, которой оно так жаждет, мы тем самым как бы уничтожаем его. Преданное огласке, оно вызывает скандал; слухи о нем пробуждают страсти тех, кто предрасположен к такого рода проступкам. В неотделимом от преступления заблуждении тайный злодей льстит себя надеждой, что он удачливей того, кто был признан виновным; происходящее для него не урок, а руководство к действию, и он предается бесчинствам, на которые, быть может, никогда не решился, если бы не опрометчиво поднятый шум, ошибочно принимаемый за торжество правосудия; в основе же публичного осуждения лежат лишь ложные понятия о строгости нравов, либо замаскированное тщеславие.

И он не нашел лучшего решения на первое время, нежели точно выяснить истинные причины отсрочки Франвалем замужества дочери, а также доводы, заставляющие Эжени разделять подобный образ мыслей: было решено ничего не предпринимать, пока не будут окончательно установлены эти мотивы.

– Ну вот, Эжени, – вечером сказал Франваль дочери, – вы видите, нас хотят разлучить; неужели им это удастся, дитя мое? Добьются ли они разрыва самого нежного в моей жизни союза?

– Никогда, ни за что! Не опасайся этого, мой милый друг! Эти сладкие узы для меня столь же драгоценны, как и для тебя. Ты не обманывал меня. С самого начала ты дал мне понять, насколько наша связь оскорбляет общепринятые нравы! Не страшась нарушить обычаи, которые различаются в зависимости от климата, а значит, не представляют ничего святого, я сама пожелала этих уз, связала их без всяких угрызений совести, так не бойся же, я их не разорву.

– Увы! Кто знает? Коленс моложе меня... У него есть все, чтобы очаровать тебя. Не слушай меня, Эжени. Это остатки твоих заблуждений, вероятно, еще ослепляют тебя. Однако года и здравый смысл, утрата престижа, который дает замужество, вскоре породят в тебе сожаления. Эти сожаления ты будешь связывать со мной, и я никогда не прощу себя за то, что стал их причиной!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.